
МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СДЕЛОК

Проблема недействительности внешнеторговых сделок в юридической литературе исследована недостаточно полно. В широком плане речь идет о юридической природе норм о недействительности сделок в сфере правоотношений с участием иностранного элемента: относятся ли они к императивным нормам национального материального права либо коллизионным. Коллизионные нормы российского законодательства не содержат специальных положений о применимом праве, регулирующем недействительность внешнеторговых сделок. Однако только анализ оснований признания сделок недействительными, которые закреплены российским материальным правом, может дать исчерпывающий ответ на вопрос о применимости иностранного права к такого рода сделкам.

Российская юридическая доктрина выработала четыре вида указанных оснований¹. Они связаны с нарушением требований к:

- содержанию сделок;
- правоспособности и дееспособности стороны;
- соответствию волеизъявления подлинной воле;
- форме сделки и ее государственной регистрации.

Наиболее убедительной представляется классификация оснований признания сделок недействительными, согласно которой они подразделяются на два вида:

- основания, при которых сделка признается ничтожной;
- основания, при которых она может быть оспорена².

По мнению Ф. С. Хейфеца, различие состоит *в способе* признания ничтожности и оспоримости сделок. Так, в соответствии со ст. 166 Гражданского кодекса РФ сделка является недействительной по основаниям, установленным Кодексом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка). Требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено определенными лицами, указанными в Кодексе, а требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки — любым заинтересованным лицом. Суд вправе применить такие последствия по собственной инициативе.

Выбор способа признания сделок недействительными зависит, прежде всего, от существа регулируемых общественных отношений: от того, насколько в правовом режиме, регулирующем эти отношения, выражен публичный интерес. Такой подход был выработан в русской юридической литературе и поддержан в советское время³. Аналогичные

¹ См.: Иоффе О. С. Советское гражданское право. — М.: Юридическая литература, 1967, с. 268; Советское гражданское право. — М.: Высшая школа, 1968, с. 239; Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. — М.: Пропаганда, 1999, с. 46–49; Белов А. П. Действительность и недействительность договоров во внешнеэкономической деятельности // Право и экономика, 1998, № 11, с. 43.

² См.: Хейфец Ф. С. Указ. соч., с. 55.

³ См.: Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. 1. — Киев, 1917, с. 106; Шахматов В. П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. — Изд-во Томского университета, 1967, с. 148.

мнения высказываются и современными правоведами, признающими, что в основе дележа недействительных сделок лежит характер нарушенного интереса и, соответственно, сделка, противоречащая публичному интересу, ничтожна, а нарушающая частный интерес — оспорима⁴.

Нормы российского материального права, определяющие ничтожность недействительных сделок, можно отнести к императивным, которые исключают применение иностранного права, регулирующего аналогичные правоотношения. Нормы об оспоримости недействительных сделок направлены в основном на защиту частного интереса, вследствие чего правоотношения, связанные с такими сделками, могут регулироваться иностранным правом.

Рассмотрим подробнее основания признания сделок недействительными.

1. Согласно ст. 168 ГК РФ сделки, не соответствующие закону или иному правовому акту, признаются недействительными. Указанная статья говорит о ничтожности таких сделок, если закон не устанавливает, что они оспоримы, или не предусматривает иные последствия. Следовательно, нормы, регулирующие ничтожность сделок по этому основанию, относятся к императивным материальным нормам, исключаям применение иностранного права.

В силу того, что речь идет о сделках, носящих международный характер, актуален вопрос об их противоречии подзаконным нормам национального права. Критерием признания сделки недействительной в данном случае служит правовое основание различных ограничений. Если ограничения основаны на законах, а подзаконные акты изданы в их развитие, эти нормы относятся к активным материальным нормам, которые исключают применение соответствующих коллизионных норм и автономию воли сторон для выбора применимого права.

В силу п. 2 ст. 1 ГК РФ подзаконные акты сами по себе не могут устанавливать общие и локальные запреты, то есть ограничение субъективных прав, а только в случае, если это прямо предусмотрено в законах. В развитие законов подзаконные нормативные акты определяют порядок получения разрешений в сферах общего запрета либо порядок ограничения субъективных прав в сферах общего дозволения. Нарушение этих порядков является основанием признания сделки ничтожной.

При этом важно правильно квалифицировать правоотношения и определить нормы, регулирующие их. Во многих случаях речь идет о правоспособности и субъективных правах участников внешнеторговых сделок, которые в общепринятой мировой практике определяются нормами национального законодательства. Нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно ст. 15 Конституции РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила международного договора. Соответственно никаких противоречий международным договорам, участницей которых является Российская Федерация, нет (характерный пример — Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года).

Статьей 169 ГК РФ установлена ничтожность сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности. При ее применении необходимо учитывать следующее. Во-первых, сделка должна нарушать законодательство, закрепляющее и охраняющее общественный и государственный строй⁵ или публичный порядок в стране⁶ (необходимо указать конкретный закон, нарушение которого противоречит основам правопорядка). Во-вторых, она должна посягать на существенные государствен-

⁴ Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Спарк, Редакция журнала "Хозяйство и право", 1999, с. 287.

⁵ См.: Иоффе О. С., Толстой Ю. К. Основы советского гражданского законодательства. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1962, с. 49; Хейфец Ф. С. Указ. соч., с. 73–74.

⁶ Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей, с. 289.

ные и общественные интересы⁷. Одним из них является сохранение государственного суверенитета и целостности. Например, к такому виду публичных интересов относится экспорт российской военной продукции в иностранные государства.

Таким образом, нормы, на основании которых сделки относят к категории недействительных в силу того, что они совершены с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, являются императивными, что исключает применение иностранного права.

Последствия недействительности сделок как по иностранному, так и по российскому гражданскому праву схожи. В законодательстве иностранных государств предусмотрена "двусторонняя реституция", когда стороны возвращаются в первоначальное положение, то есть в то, в котором они находились до заключения сделки⁸. Аналогичные последствия предусмотрены п. 2 ст. 167 ГК РФ, содержащей общие правила о последствиях недействительности сделок.

Законодательство некоторых государств предусматривает одностороннюю реституцию или недопущение реституции. Односторонняя реституция состоит в том, что исполненное получает обратно только одна сторона (добросовестная), другая же (недобросовестная) исполненного не получает (оно должно передаваться ею в доход государства). Если же исполнение не состоялось, то взыскивается подлежащее исполнению. Так, ст. 61 Общих положений гражданского права КНР предусмотрено, что, если обе стороны, сговорившись в злонамеренных целях, своими действиями причинили вред интересам государства, коллектива или третьего лица, следует истребовать приобретенное обеими сторонами имущество и передать его в собственность государства, коллектива или вернуть третьему лицу⁹.

Теоретически возможна ситуация, когда иск о применении односторонней реституции, например по договору поставки продукции военного назначения, рассматривается иностранным судом, а недобросовестной является российская сторона. В данном случае иностранным судом может быть принято решение о взыскании в доход иностранного государства российской продукции военного назначения и возвращении российской стороной всего полученного ею по сделке. Исполнение такого судебного решения будет противоречить публичным интересам России. Однако в соответствии со ст. 5 Нью-Йоркской Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано, если компетентная власть Российской Федерации найдет, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречит российскому публичному порядку.

2. Совершение внешнеторговых сделок субъектами, не обладающими надлежащей правоспособностью и дееспособностью, как основание признания их недействительными в настоящей статье рассматривается применительно к юридическим лицам. При этом необходимо различать нормы, регулирующие: а) вопросы правоспособности юридических лиц; б) непосредственно недействительность сделок. Данное обстоятельство имеет существенное значение вследствие действия коллизионных "привязок", позволяющих определить применимое право, а также закона, определяющего статут ("существо") отношения (*lex cause*)¹⁰.

Во-первых, отношения, в которых участвует юридическое лицо при совершении внешнеторговой сделки, регулируются совокупностью различных коллизионных норм, применимость которых необходимо определять, исходя из существа конкретного правоотношения.

Во-вторых, правовой статус субъекта внешнеторговых сделок устанавливается личным законом юридического лица (*lex societatis*)¹¹, в котором закреплены следующие моменты:

- является ли организация юридическим лицом;
- организационно-правовая форма юридического лица;
- требования к его наименованию;
- вопросы создания, прекращения и реорганизации юридического лица, включая правопреемство;

⁷ См.: Гражданское право. Т. 1: Учебник / Отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Изд-во БЕК, 1998, с. 359.

⁸ См.: Белов А. П. Указ. соч., с. 44.

⁹ См.: Гражданское законодательство КНР. — М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1997, с. 29.

¹⁰ См.: Звекон В. П. Международное частное право. — М.: Норма, 1999, с. 114.

¹¹ Личный закон указывает на национальную (государственную) принадлежность юридического лица и, как следствие, на правовую систему, на основе которой определяется его правовой статус.

- порядок приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей;
- отношения внутри организации, включая отношения с ее участниками;
- способность юридического лица отвечать по своим обязательствам;
- содержание правоспособности¹².

Необходимо различать правоспособность юридического лица в сферах действия общих дозволений и запретов¹³ вследствие различных юридических последствий в случае недействительности сделок из-за ненадлежащей правоспособности. Примером сферы действия общего дозволения является экспорт товаров, на которые не установлены ограничения в оборотоспособности в соответствии с п. 1 ст. 129 ГК РФ. Пример сферы действия общего запрета — военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами, в результате которого экспорт военной продукции может осуществляться в строго установленном порядке.

В соответствии со ст. 161 Основ гражданского законодательства 1991 года гражданская правоспособность иностранных юридических лиц определяется по праву страны, где учреждено юридическое лицо. Следовательно, личный статут иностранных субъектов военно-технического сотрудничества определяется правом страны, где они учреждены и в соответствии с законодательством которой им предоставлено право осуществления военно-технического сотрудничества (ст. 2 Федерального закона от 13 октября 1995 года № 157-ФЗ "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности" и ст. 1 Федерального закона от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ "О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами").

Таким образом, можно констатировать, что *правоспособность* юридических лиц при совершении внешнеторговых сделок в сферах действия *общего запрета* определяется *императивными коллизионными нормами*.

Условия недействительности сделки, выходящей за пределы правоспособности юридического лица, установлены ст. 173 ГК РФ. Она предусматривает два условия недействительности совершения сделки: противоречие последней целям деятельности организации, определенно ограниченным в учредительных документах, либо отсутствие лицензии на занятие соответствующей деятельностью. Такие сделки могут быть признаны судом недействительными по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью юридического лица, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о ее незаконности. В соответствии с гражданским законодательством это **оспоримые** сделки, в силу чего их недействительность может устанавливаться применимыми нормами иностранного права.

В качестве примера возьмем дело № 72/1997, разрешенное Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате РФ (решение от 8 октября 1997 года), по иску лихтенштейнской фирмы к российской организации в связи с прекращением в конце 1995 года платежей за выполненные строительные работы. В ходе судебного разбирательства ответчиком было выдвинуто ходатайство о признании сделки ничтожной по причине недееспособности иностранного юридического лица, поскольку оно не зарегистрировано в государственных органах РФ, не состоит на учете в российских налоговых органах и не уплачивает налоги с получаемых доходов.

В ходе судебного разбирательства МКАС при определении правоспособности иностранной организации применил законодательство Княжества Лихтенштейн, в соответствии с которым оно обладает надлежащей правоспособностью. При решении вопроса о правомерности осуществления на территории России строительно-монтажной деятельности было применено российское законодательство, согласно которому иностранной

¹² См.: Розенберг М. Г. Международные договор и иностранное право в практике Международного коммерческого арбитражного суда. — М.: Статут, 1998, с. 61–62.

¹³ См. более подробно: Кудашкин В. Юридическая природа правоспособности субъектов гражданского права в сферах общих запретов и дозволений // Хозяйство и право, 1999, № 9, с. 108.

фирмой была получена лицензия на осуществление строительно-монтажных работ в соответствующих органах власти¹⁴.

В качестве исключения гражданским законодательством предусмотрены два случая, когда выход за пределы надлежащей правоспособности юридического лица влечет **ничтожность** сделок¹⁵. Это выход за пределы:

установленной Законом специальной правоспособности государственных унитарных предприятий, некоммерческих, а также коммерческих организаций;

установленной специальной правоспособности в сферах действия общего запрета независимо от того, является организация коммерческой или нет.

Правовым основанием специальной правоспособности в сфере общего запрета является не легитимация уже имеющейся правоспособности (что происходит в сфере действия общего дозволения), а наделение правоспособностью. В силу этого существенно отличаются последствия юридических действий, не соответствующих содержанию специальной правоспособности. Если при наличии локального запрета в сфере общего дозволения юридическое лицо совершает действия, не соответствующие его специальной правоспособности, но не запрещенные законом, они основаны на общедозволительном порядке. Иначе говоря, такие действия имеют пусть не легитимное, но правовое основание. В сфере же действия общего запрета таких правовых оснований нет. Любые юридические действия, кроме прямо разрешенных, запрещены законом.

Примером действия общего запрета может служить внешнеторговая деятельность в сфере военно-технического сотрудничества. Если государственные посредники (ГК "Росвооружение", "Промэкспорт" и "Российские технологии") имеют широкую специальную правоспособность, то есть предметом их деятельности является вся продукция военного назначения, то другие российские организации, получившие право внешнеторговой деятельности в сфере военно-технического сотрудничества, имеют узкую специальную правоспособность. Предметом их деятельности является исключительно военная продукция, которую они производят и в отношении которой им выдано разрешение на осуществление внешнеторговой деятельности.

Ничтожность внешнеторговых сделок, выходящих за пределы специальной правоспособности в сфере общего запрета, исключает применение к ним норм иностранного либо международного частного права.

3. В отношении недействительности сделок, основанных на несоответствии **внутренней воли и волеизъявления**, необходимо отметить, что к данному виду оснований относятся как ничтожные, так и оспоримые сделки. Ничтожные — это сделки, совершенные лишь для вида, без намерения создать соответствующие им правовые последствия (мнимые сделки), а также сделки, совершенные с целью прикрыть другие сделки (притворные — ст. 170 ГК РФ).

Оспоримые — это сделки, заключенные под воздействием так называемых "пороков воли": под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ), обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, вследствие стечения тяжелых обстоятельств (ст. 179 ГК РФ). Оспоримость означает, прежде всего, что сделка влечет те правовые последствия, которые участники имели в виду при ее совершении, но вместе с тем ей свойственны определенные несоответствия требованиям закона, которые дают основания для иска о недействительности.

Выделение условий оспоримости сделок в отдельную категорию объясняется тем, что признание их недействительными не может иметь места без иска заинтересованного лица или потерпевшей стороны¹⁶.

Применимое иностранное право может иначе (по сравнению с российским) определять основания недействительности сделок, а также классифицировать их на оспоримые и ничтожные и, следовательно, по-другому регулировать соответствующие правоотношения.

Так, по французскому законодательству "обман является причиной ничтожности соглашения, если образ действий одной стороны таков, что ясно, что без этих действий другая сторона не вступила бы в договор. Обман не предполагается и должен быть доказан" (ст. 1116 Французского гражданского кодекса). В российском праве они оспоримы. "Кабальные сделки" по швейцарскому обязательственному закону признаются также ничтожными, а в российском — оспоримыми. Дого-

¹⁴ Арбитражная практика за 1996–1997 годы / Составитель М. Г. Розенберг — М.: Статут, 1998, с. 234–239.

¹⁵ См. более подробно: Кудашкин В. В. Специальная правоспособность субъектов гражданского права в сфере действия общего запрета // Государство и право, 1999, № 5.

¹⁶ См.: Хейфец Ф. С. Указ. соч., с. 90.

воры, совершенные в результате насилия или незаконного физического принуждения (Duress), по "общему праву" являются ничтожными¹⁷. По российскому праву они признаются оспоримыми (ст. 179 ГК РФ).

Анализ практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ также показал, что при определении применимого права, регулирующего оспоримость недействительных сделок, не исключается использование иностранного законодательства. Так, в деле № 76/1997 (решение от 26 января 1998 года) для рассмотрения вопроса о недействительности сделки на основании обмана алжирским продавцом российского покупателя применимым к существу спора суд признал алжирское право¹⁸.

В деле № 150/1996 (решение от 17 февраля 1997 года) для признания сделки недействительной вследствие заблуждения японского покупателя было применено российское право продавца, так как вопрос о действительности контракта, заключенного сторонами, относился, по мнению МКАС, к "обязательственному статусу" внешнеэкономической сделки. МКАС пришел к выводу о применении к встречному иску российского права, поскольку последнее определяет "обязательственный статус" контракта¹⁹.

4. Нарушение предписанной законом формы договора как одно из указанных оснований исследовано достаточно подробно²⁰. Форма внешнеэкономических сделок, в которых хотя бы одна из сторон является российским лицом (физическим или юридическим), определяется коллизионной нормой императивного характера, содержащейся в ст. 165 Основ гражданского законодательства 1991 года. В соответствии с ней сделка должна быть совершена в письменной форме.

Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года не требует обязательной письменной формы внешнеторговой сделки (ст. 11), однако ст. 12 Конвенции содержит единственное императивное правило об обязательности письменной формы, если одна из сторон сделки имеет коммерческое предприятие в государстве, сделавшем заявление об обязательности письменной формы сделки, исходя из императивных норм национального законодательства. Верховный Совет СССР сделал такое заявление 23 мая 1990 года в своем постановлении № 1511-I о присоединении к Венской конвенции²¹.

В. КУДАШКИН,
зам. начальника отдела

¹⁷ Подробно эти аспекты недействительности сделок рассмотрены в статье А. П. Белова "Действительность и недействительность договоров во внешнеэкономической деятельности" // Право и экономика, 1998, № 11, с. 42–49.

¹⁸ Арбитражная практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1998 год / Составитель М. Г. Розенберг. — М.: Статут, 1999, с. 38–42.

¹⁹ Арбитражная практика за 1996–1997 годы / Составитель М. Г. Розенберг. — М.: Статут, 1998, с. 178.

²⁰ См.: Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. — М.: Книжный мир, 1998, с. 17–18; Звеков В. П. Международное частное право. — М.: Норма, 1999, с. 282–285; Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. — М.: Юридическая литература, с. 40–42; Богуславский М. М. Международное частное право. — М.: Юрист, 1998, с. 201–204.

²¹ Ведомости СССР, 1990, № 23, ст. 425.

МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

Государственной компании "Росвооружение",
кандидат юридических наук